

Научное письмо

**О «НАУЧНОСТИ» И «НЕНАУЧНОСТИ» —
ПРИМЕРЫ ИЗ СТАРОСЛАВЯНСКОГО**

В юбилей следует произносить слова торжественные. Но хочется и воспользоваться поводом, чтобы поговорить с юбиляром по душам. Поделиться сомнениями, рассказать о том, что не даёт покоя ни днем, ни ночью. И все потому, что Татьяна Михайловна Николаева — юбиляр особенный, и самая замечательная (и бесценная для меня) её черта — открытость всему новому. Открытость бесстрашная! — ведь все мы живем под страхом обвинений в «ненаучности». А полусерьезный жанр «научного письма» даёт возможность привести примеры, которые лучше приводить в письменном виде.

Итак. Многие из нас понимают неизбежность близкой смены научной парадигмы в лингвистике, но немногие об этом говорят. Еще меньше из этих немногих прозревают в смене парадигмы нечто кардинальное. Татьяна Михайловна — одна из «меньших немногих». (Πολλοὶ γὰρ εἰσὶν κλητοί, ὀλίγοι δὲ ἐκλεκτοί. — Мф 22,14.) А вот и примеры из палеославистических штудий — иллюстрации к нашим с Татьяной Михайловной разговорам на данную «скользкую» тему.

Пример первый. Несомненным достижением старославянской лексикографии XX века следует признать «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» (М., 1994). Одной из самых известных книг по старославянской лексикологии является книга Р.М. Цейтлин «Лексика старославянского языка» (М., 1977). Заглянем в них. При каждом слове стоит цифра — старательно сосчитанное количество употреблений слова в старо-славянских рукописях (рукописях «старославянского канона»). Например: оучнѣль — больше 100 употреблений (43 употребления в Зографском евангелии, 53 употребления в Мариинском евангелии и т. д.), а хоть (‘любовник’, ὁ συνήθης) — 1 употребление (в Супрасльской рукописи). В рамках дескриптивного метода для признания *научности* работы *констатация* различной частотности слов достаточна, но хотелось бы иметь и ее *объяснение*. А объясняется она тем, что лексический инвентарь старославянского языка — это лексический инвентарь старославянских памятников, и частотность старославянских слов зависит от содержания последних. В данном случае объяснение настолько «лежит на поверхности», что против его *научности* никто, кажется, возразить не сможет.

Пример второй, потруднее. Согласно данным Р. М. Цейтлин, опубликованным в уже упомянутой книге «Лексика старославянского

языка», в рукописях «старославянского канона» насчитывается до 73 наименований лиц с суффиксом *-tel'(ь)* и до 138 наименований лиц с суффиксом *-(ьn)ik(ъ)* (с. 95, 105). Только в переводе Евангелия Р. М. насчитывала 17 наименований лиц с суффиксом *-tel'(ь)* (не только оучнѣлъ, но и нскоучнѣлъ, прѣдателъ, мѣчнѣлъ, житѣлъ, дѣлатѣлъ, проснѣлъ и т. д.) и 38 наименований лиц с суффиксом *-(ьn)ik(ъ)* (правѣднѣкъ, неправѣднѣкъ, законѣнѣкъ, наставѣнѣкъ, прѣставѣнѣкъ, вратѣнѣкъ, двѣрѣнѣкъ и т. д.). Палеославистика XX века удовлетворялась констатацией этих (как и других) фактов. Но... Такое количество наименований лиц с суффиксами *-tel'(ь)* и *-(ьn)ik(ъ)*... А куда же подевались праславянские наименования лиц с суффиксами *-č(ь)* и *-(a)taj(ь)*? Ведь так много в свое время было сказано и написано «о народной основе старославянского языка»! Однако из целого ряда праславянских наименований лиц с суффиксом *-č(ь)* **rogoničь*, **rodičь*, **vodičь*, **běgačь*, **jьgračь*, **kopačь*, **kovačь*, **tьkačь*, **вьgračь*, приведенных Ф. Славским в «Очерке праславянского словообразования» (*Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974, s. 102*), в рукописях «старославянского канона» встречается только врачь. И нет никаких других наименований с суффиксом *-č(ь)*. Наименования же лиц с суффиксом *-(a)taj(ь)* в древнейших списках Евангелия и Псалтыри не встречаются вообще. Научно ли пытаться объяснить, почему в первых славянских переводах для номинации не только праведников и неправедников, знатоков Закона, Учителя, Иуды-предателя, дьявола-искусителя и т. п., но и всякого рода работников, земледельцев, привратников, нищих, палачей и т. п. употребляются слова с суффиксами *-tel'(ь)* и *-(ьn)ik(ъ)* и не употребляются слова с суффиксами *-č(ь)* и *-(a)taj(ь)*? Почему первые славянские переводчики для перевода не только ἐργάτης, но и ὁ γεωργός используют дѣлатѣлъ, а не копахъ или ратан? Неужели в народной славянской речи того времени ни в Солуни, ни в Моравии, ни — несколько позже — в Восточной Болгарии не были употребительны слова с суффиксами *-č(ь)* или *-(a)taj(ь)*? (Любопытно, что копахъ все же «пробивает себе дорогу» в евангельский текст, но как инновация Мстиславова евангелия, древнерусского списка XI/XII в., где в стихе Л 13,7 копахъ употребляется в соответствии с двукорневым композитом ὁ ἀμπελοργός — там, где в большинстве старших списков находим вннаѣ¹. Ср.: εἶπεν δὲ πρὸς τὸν ἀμπελοργόν — рече же кз вннаревн, но в Мст

¹ Слова с суффиксом *-ač(ь)* на первом этапе становления старославянского языка еще очень немногочисленны: в евангельском тексте встречаются только мзитаѣ (видимо, германизм, переомысленный как суффиксальное слово).

88в 15: рече же кз копачьмѣ .) Для меня *объяснение* — так же, как и в первом примере — «лежит на поверхности»: свв. Кирилл и Мефодий, а затем и их ученики и последователи ставили своей задачей не только сделать переводы на славянский язык текстов Св. Писания, но и создать славянский литературный язык с соответствующим лексическим инвентарем, слова которого были бы понятны славянам, но в то же время должны были иметь по возможно большей части «книжный вид». А потому их словотворчество распространялось не только на номинацию новых (то есть неизвестных или малоизвестных ранее славянам) понятий, но и на сферу обыденную, туда, где предметы и явления уже имели свои народные наименования. Однако это *объяснение* — результат длительного сидения над старославянскими текстами, наблюдений движения их по спискам, над характером лексических замен в них, над тенденциями в предпочтении определенных типов слов в переводах разных произведений и на разных этапах становления старославянского лексического инвентаря и т. д. То есть знание если и не интуитивное, то неизвестно как могущее быть формализованным. (Прошу прощения за «могущее», но виновата не я, а русский язык.) *Научно ли пытаться «влезать в шкуру» первых славянских переводчиков, чтобы объяснять их интенции?*

Пример третий. Еще, кажется, потруднее. В поисках *объяснений* пытаемся «влезать в шкуры» славянских переводчиков и редакторов греческих гомилетических текстов. («Держим в уме», что как греческие оригиналы гомилий, так и их славянские переводы заведомо предназначались для произнесения вслух, причем с целью наиболее эффективного «воздействия словом» на реципиентов.) В списках, отражающих редактуру преславских книжников, наблюдаются замены слов (достаточно частотных по меркам старославянского языка) первоначального перевода на региональные (типа жнвотъ → жнзнь). Это лексическое варьирование давно уже попало в поле зрения палеославистов, а большинство вариантов отмечено в знаменитом своде лексических вариантов В. И. Ягича. Однако во многих случаях славянские языковые средства перевода, которые — казалось бы — можно было бы пытаться редактировать с целью более точной передачи греческих концептов, редакторы «не трогают». Какие это случаи? Как правило, такие, когда в первоначальном переводе имеется некоторое обеднение семантически сложных понятий, при упрощенной передаче греческих композитов, при «буквалистском» переводе фразеологизмов. Например, в начале Слова на вербное воскресенье (Ἐκ θαύματων ἐπὶ τὰ θαύματα τοῦ κυρίου βαδίσωμεν, ἀδεύφοι, καὶ φθάσωμεν, ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν → Отъ чоудесъ кз чоудесемъ господьнемъ ходнмъ братнѣ . н дондѣмъ акзи отъ снази на снаж) редакторы не изменяют первоначального перевода глагола βαδίσωμεν (βαδίζειν ‘идти шагом’ → ‘не спеша продвигаться’) глаголом ходнмъ (то есть не изменяют перевода с некоторым семантическим обеднением), не изменяют и «буквалистского» перевода дондѣмъ акзи отъ снази на снаж выражения φθάσωμεν, ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν

‘преуспеет по возможности’ (содержащего фразеологизм ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναντιν). И т.д. Для меня и здесь *объяснение* «лежит на поверхности»: введение региональной лексики служило лучшему восприятию аудиокода гомилий паствой. (Может ли такая «догадка» вызвать возражения?) Но и нежелание редакторов заменять простые и понятные слова, хотя и передающие греческий оригинал с некоторым семантическим обеднением, вызвано той же причиной: редактура была направлена на достижение возможно лучшего восприятия аудиокода гомилий паствой. (А эта «догадка» может вызвать возражения?) Однако *научны* ли подобные «догадки»? Имеем ли мы право такие факты пытаться *объяснять*, а не только *описывать*?

Примеры множатся, так же и сомнения.

* * *

Дорогая Татьяна Михайловна! Соглашайтесь или не соглашайтесь, поддерживайте или не поддерживайте, хвалите или ругайте — воля Ваша. Но сохраняйте на долгие лета свою творческую активность, свою способность к свежему взгляду на вещи, к нестандартным подходам, к доброжелательному отношению к коллегам, свою постоянную готовность оказать им всяческую помощь. Будьте здоровы и счастливы!